

Эта книга выходит в свет в те дни, когда исполняется десятилетие общественного существования евразийства. Две из ее статей посвящены обзору этого десятилетия («В борьбе за евразийство» П. Н. Савицкого и «Евразийская библиография» С. Лубенского). Книга, как целое, имеет своей задачей продолжить традицию научных изданий евразийцев (традицию «Временников»). Эта специальная ориентация книги определяется ее функцией в общей системе евразийской работы. Как раз в те же дни, когда выходит книга, произойдет Первый Съезд Представителей Евразийских Организаций, одной из целей которого является максимально четкое выявление политической линии евразийства, в условиях переживаемого момента.

Итак, книга эта есть камень, в ознаменование десятилетия евразийства. Но преимущественная обращенность ее — не к прошлому, но к будущему. Это выражено и в ее заглавии. «Тридцатые годы» указывают на новую эпоху, в которую в настоящее время вступает Россия, а вместе с нею и евразийство. Евразийцы не сомневаются, что мы накануне нового перелома. Несмотря на то, что «пятилетка», в значительной мере, удастся — или, быть может, именно благодаря этому, долго так продолжаться не может. Лихорадка пятилетки, в очень многих отношениях, есть лихорадка

ка творчества и роста. Но она слишком изнурительна, и в экономическом, и в психологическом смысле, чтобы страна могла долго ее выдержать. К тому же, творческий заряд пятилетки ненужным образом осложнен бесцельным и жестоким разрушением. Произведенные разрушения отнюдь не помогают преодолению трудностей. Реакция не замедлит сказаться. В течение ближайших лет, а может быть даже и ближайших месяцев, постепенным процессом или мучительным параксизмом, лихорадка «строительства» сменится периодом покоя и собирания новых духовных сил. Свой тактический и стратегический план евразийцы ориентируют на завоевание новых позиций в обстановке исторического периода «после пятилетки».

В данном случае речь идет о научной и мирозерцательной стороне вопроса. Евразийство уже оказало влияние на русское самопознание и самосознание. Дело заключается в том, чтобы расширить и оформить это влияние. О путях такого расширения и трактует статья сборника, посвященная «Научным задачам евразийства». Далее намечаются конкретные задачи в отдельных отраслях и разделах руссиеведения («очередные задачи правоедения» Н. Н. Алексеева, статья И. Савельева о евразийской трактовке русской фольклористики, заметки д-ра Эренжена Хара-Давана по вопросам кочевниковедения, постановка К. А. Чхеидзе евразийских геополитических проблем и т. д.). П. Н. Савицкий, в своей статье, продолжает построение евразийской концепции географии России.

Работа во всех этих направлениях в результате своем приводит к установлению научных истин; но не только к нему. Как это часто бывает в науке, она есть, в то же время, творчество живой жизни. Евразийцы стремятся положить основания самосознанию евразийских народов, как «симфонической личности». Эта личность рождается в историческом процессе. Но только в определенных идеологических положениях, и в том числе — в идеологии евразийства — она осознает свое бытие.

Особая статья («Еврейское восточничество» Я. А. Бромберга) посвящена в сборнике месту и роли в общем деле России-Евразии еврейского народа, имеющим совершенно исключительное значение как в силу единственности и неповторимости

судеб этого народа, так и в силу того, что основная масса восточного еврейства проживает на чрезвычайно существенном стратегическом и культурно-историческом рубеже — на границе Евразии и Европы.

Евразийцы твердо уверены, что круг сознания евразийских народов не может быть ограничен положениями марксизма и ленинизма, к которым хочет свести в настоящее время интеллектуальную работу этих народов коммунистическая партия. В самом марксизме заключаются основания для выхода за пределы марксизма. На это указывают статьи В. Н. Ильина («Под знаком диалектики») и П. В. Логовикова («Власть организационной идеи»). Более того: евразийцы предвидят, что марксизм перейдет на почве Евразии в свою противоположность, материализм сменится утверждением решающей роли организационной идеи. В этом — одна из сторон того «эйдократического преобразования науки», о котором говорит В. Н. Ильин.

Евразийцы противостоят марксизму-ленинизму. Но с тем большим рвением они желают изучить эти явления, оказавшие и оказывающие столь большое влияние в жизни Евразии. Евразийство в полной мере отдает себе отчет в том, что создание самостоятельного евразийского марксизма, и ленинизмоведения является одной из необходимых предпосылок для преодоления марксизма. В этой связи, можно определить, как большую задачу евразийской науки, написание проводящей евразийские точки зрения истории русского революционного движения, а также, в частности, евразийской биографии Ленина. Первый шаг в этом направлении составляют помещаемые в этом сборнике «Заметки о Ленине» Г. В. Вернадского, рассматривающие учение Ленина об империализме — одно из тех, где с наибольшей силой выразился острый взгляд Ленина и присущее ему чутье реальности.

Так складываются в определенную систему отдельные, посвященные различным вопросам статьи этого сборника. Мы сказали уже, что не политическое, а духовное борение, не публицистический задор, а научная истина является его основным стержнем. Книга эта, по мысли евразийцев,

должна быть знаком, что они неустанно ищут и идут вперед по путям познания России; что в искании этом они охватывают всё новые и новые отрасли, непрестанно расширяют свои духовные горизонты (намеченный в сборнике диалектический переход от своеобразно-евразийского, на основе его, — к универсально-вселенскому). Но раскрытие проблем было неполным, если бы в книге этой не была поставлена во весь рост проблема личности. Вся идеологическая система евразийства может быть выведена из идеи личности: идея Личного Бога, идея России-Евразии, как «симфонической личности», идея личности, как творца жизни. Вне идеи личности не осуществимо и религиозное преобразование жизни, к которому стремится евразийство.

В предлагаемом сборнике к проблеме личности восходят статьи: «Время, культура и тело» В. Чухнина и «К учению о объективном праве» Н. Н. Алексеева. — Евразийцы не только не отвергают объективной (предметной) культуры, но с величайшей силой утверждают ее значение и заняты ее организацией. Но они отрицают засилие объективной культуры над личностью. Они обращаются к основному, не связанному с вещной культурой творческим источником личности. В этом обращении — внятней для евразийцев смысл статьи В. Чухнина.

Н. Н. Алексеев к тому же вопросу подходит с другой стороны. Он протестует против теории права, игнорирующей в праве личность, не прощупывающей той его стороны, которая утверждает личность, вооружая ее «правомочием». Право есть совокупность правомочий — таков основной тезис Н. Н. Алексеева. — Тезис этот — чисто теоретический. Но он имеет и огромное практическое значение. С особым ударением его нужно выдвинуть именно теперь, когда личность в СССР лишена всяких «правомочий».

Евразийская борьба есть борьба за личность; но не за самостную уединенную личность индивидуалистов, а за личность, соучаствующую в общем деле. Жизненный символ общего дела есть строительство, его церковный символ — соборность.

И личность есть та идея, которая сопрягает во едино от-

дельные статьи сборника. Россияведческие его статьи посвящены изучению различных сторон в бытии «симфонической личности» России-Евразии. Другие его статьи показывают, как идея личности прокладывает себе путь и сквозь отрицающую ее систему марксизма. Наконец, только что названная группа их утверждает личность в философии и праве.

Но как идею «правомочия» сочетать с идеей общего дела? Разрешению этой проблемы, в чисто юридических терминах, и посвящена, в значительной степени, статья Н. А. Дунаева о видах правомочия. Выход из кажущегося противоречия — в установлении понятия «служебного» права. Здесь личность действует не в собственном интересе, но в интересе других лиц; используя такое право, она приобщается к «общему делу». Современность есть эпоха расширения области «служебных» прав. Прослеживая, как порядок «служебного права» получает всё более и более существенное применение в экономической жизни, Н. А. Дунаев, в своей статье, бросает, тем самым, канаты к политико-экономической программе евразийства, подробное развитие которой выходит, однако, за пределы этого сборника.

Сборником этим евразийство вступает во второе десятилетие своей жизни. Мы не говорим здесь о тех практических задачах, которые ставило и ставит себе евразийство. В чисто идеологической области оно может с удовлетворением оглянуться на прошлое.

Но даже малейшая доля самодовольства была бы гибельной. Власть будущего — вот та власть, которой должно быть покорно евразийство, входя в тридцатые годы.